

В ОБЛЕГЧЕННОМ ВАРИАНТЕ

ИСТОРИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И. Д. САНАЧЕВА

История Дальнего Востока — часть истории Государства Российского. Нет необходимости убеждать кого-либо в том, насколько актуально, значимо обращение к истории богатейшего региона страны. Что делали и делают отечественные историки. Только за последние 8—10 лет вышел в свет ряд работ. Крупным событием в конце 80-х — начале 90-х годов стало появление двухтомника «История Дальнего Востока», созданного трудом ученых академического Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Высокую оценку специалистов получила работа хабаровчан «Очерки истории родного края» (1993 г.). Несомненным вкладом в изучение региона стало учебное пособие для студентов «История Сахалинской области» (1995 г.), подготовленное сахалинскими историками. В этих работах собрано огромное количество новых материалов по истории открытия, освоения Приамурья, Приморья, Сахалина, Камчатки, северо-востока Сибири. В 1996 г. опубликован коллективный труд историков ДВГУ и Института истории ДВО РАН — пособие для учителей «Очерки истории Приморья» (1996 г.). Каждое из перечисленных изданий дополняет новыми фактами богатую на события историю Дальнего Востока...

Мы не случайно начали свои суждения о вышедшем в конце 1997 г. в издательстве ДВГУ учебном пособии И.Д. Саначева «История Дальнего Востока» с упоминания новых работ наших коллег историков-дальневосточников. Дело в том, что, по мнению И.Д. Саначева, до упомянутой его работы «нормальных учебных пособий» для вузов вообще не существовало, что-де и побудило его «создать этот курс лекций» (с. 11) по истории дальневосточного региона. Рекомендую этот курс студентам гуманитарных факультетов, И.Д. Саначев, предвидя, вероятно, реакцию коллег, замечает, что его сочинение не предназначено для будущих историков-профессионалов. Однако издание тысячным тиражом курса лекций для политологов, юристов, менеджеров не освобождает, на наш взгляд, профессионального историка И.Д. Саначева от необходимости обращения к новой литературе, от тщательного изучения документальных источников, знания историографии. Это дело чести ученого.

К сожалению, знакомство с указанным сочинением, целый ряд аргументаций, выводов автора вызывают просто недоумение. Так, во введении он сокрушается по поводу того, как много «белых пятен» в истории региона периода коллективизации, индустриализации, новой экономической политики. Из работ по нэпу он скромно ссылается на свою монографию, вышедшую в 1993 г. И как-то незамеченными им остались интереснейшие исследования Э.М. Щагина, Л.Н. Долгова, А.Т. Мандрика, Н.В. Марьясовой по проблемам нэпа на Дальнем Востоке, десятки публикаций о коллективизации Л.И. Проскуриной и др. Нельзя также согласиться с утверждением И.Д. Саначева о «совсем слабо исследованной истории Дальнего Востока конца XIX — начала XX века». Ведь кроме названного уже фундаментального второго тома «Истории Дальнего Востока», в последние годы опубликованы монографии по экономике А.И. Алексеева и Б.Н. Морозова, Э.М. Щагина, исследования Л.И. Галлямо-

вой, Н.А. Троицкой, коллективные сборники научных трудов по хозяйственному освоению Дальнего Востока. «Не заметил» автор рецензируемого учебника и вышедшие в свет ценнейшие материалы международных конференций по различным проблемам истории дальневосточного региона. Вот уж где представлена именно новая история Дальнего Востока!

К попытке И.Д. Саначева разобраться в понятии «Дальний Восток» следует, видимо, отнестись с пониманием и одобрением. Но так и осталось невыясненным, когда и кто впервые ввел это понятие. Думаем, что для студентов «не историков» эта информация была бы куда более ценной, чем экскурсии в англоязычную и японскую традиции в регионоведении.

Предлагает автор и собственную (очень сложную для понимания студентов «неисториков») периодизацию исторического процесса на территории российского Дальнего Востока, не утруждая себя обоснованием критериев, лежащих в ее основе. А ведь это одно из обязательных требований к историческому исследованию любого уровня, начиная со студенческой курсовой работы.

Учебное пособие, его первая часть, включает в себя 8 основных лекций и одну дополнительную, посвященную крепости Владивосток. Если лекции не предназначены историкам, то зачем такое детальное освещение древней истории Дальнего Востока? Сорок страниц текста (3 лекции), треть учебного пособия охватывают период от древности до конца XVI в. В то же время автор не счел нужным аргументировать периодизацию древнейшей истории региона. Создается впечатление, что И.Д. Саначев не владеет историей археологического исследования территории, небрежно оперируя датировками (на уровне «по всей видимости», «самая ранняя зarya человечества», «крайне древние» и т.д.).

Обращаясь к фактическому материалу (например, корелляции различных палеолитических памятников), автор обнаруживает полное незнание современных исследований в этой области. Читателю намекается на владение автором нюансами сложных и не решенных до конца вопросов датировки ряда древнейших памятников Сибири и Дальнего Востока. Но при этом И.Д. Саначев избегает конкретики (например, по Улалинке) берет на себя смелость утверждать данные, которые многими современными авторитетами в области палеолитоведения употребляются с оговоркой «по-видимому» (например: «человек появился на территории Дальнего Востока в эпоху нижнего палеолита» (с. 18)).

Непонятно, зачем автор останавливается на проблеме мезолита? Видимо, только в расчете на людей, далеких от истории, И.Д. Саначев делает умозаключения, лишённые четкости и элементарной логики: мезолит «был настолько кратким, что не поддается выделению», но «отличается от палеолита **колоссальным** (?) шагом в развитии техники изготовления каменных орудий» (с. 21) Вероятно, создатель учебника очень приблизительно знаком с критериями выделения мезолита и неолита, упрощая их до появления лука и керамики.

Комментируя вопрос о заселении Сахалина и Японских островов, И.Д. Саначев демонстрирует полное отсутствие у него современной информации. Странно, например, звучит утверждение, что Японские острова начали заселяться 20—10 тысяч лет назад. Ведь сегодня там известны памятники возрастом в несколько сотен тысяч лет!

Понятие «археологическая культура» сводится автором к «группам типологически схожих памятников», что свидетельствует либо о небрежности в использовании специальной терминологии, либо о ее полном непонимании (с. 22).

Таким образом, приходится, увы, констатировать, что археологические изыскания И.Д. Саначева страдают дилетантским переложением далеко не нового материала, изобилуют неточностями и откровенными ошибками. На-

пример, он утверждает, что «на поселениях Лидовской культуры также найдены бронзовые изделия (зеркало)» (с. 26). Следует заметить, что к настоящему времени в комплексах, относящихся к Лидовской археологической культуре, обнаружен единственный обломок бронзовой пластинки (Суворово VI). Зеркало, о котором идет речь, найдено при раскопках поселения Лидовка I, изготовлено из глинистой массы и лишь имитирует по форме бронзовое.

«На поселении Синий Гай, — пишет на с. 26-й И.Д. Саначев, — было найдено погребение свиньи, облаченной в панцирь из костяных пластин». У исследователя этого памятника Д.Л. Бродянского говорится: «В погребении № 2 поросенок 7—8 месяцев был положен на спину, в районе груди найдены костяные панцирные пластины» (см. Введение в дальневосточную археологию).

Крайне небрежно обращается автор пособия с географической картой, что еще более затрудняет восприятие написанного (например: ареал ее (Лидовской культуры) распространения очень широк — Лидовка, Тернейский район (Благодатное), Каменка и др.) и не вносит ясность в понимание рассматриваемого вопроса.

Рекомендуемая и, видимо, использованная И.Д. Саначевым литература по курсу «Основы археологии», указывает на то, что он особо не утруждал себя изучением данного вопроса, а реферативно использовал во многом устаревшие и требующие, если не переосмысления, то значительного дополнения публикации. Современная литература в библиографии отсутствует полностью.

Следующие 4 лекции пособия (48 страниц текста) охватывают период конца XVI — начала XX столетия и посвящены истории русских открытий в Восточной Сибири, Приамурье, Приморье, на северо-востоке Сибири, хозяйственному освоению восточных районов России, установлению границ Российского государства.

Материал в лекциях подается вполне традиционно: перечисление имен первых русских землепроходцев (И. Москвитин, В. Поярков, Е. Хабаров, С. Дежнев, М. Стадухин, В. Атласов), территории, исследованные ими; беглое, выборочное упоминание экспедиций XVIII в. (Д. Анциферов, И. Козыревский, В. Беринг, А. Чириков, М. Шпанберг), Г.И. Шелехов и Российско-Американская компания. И вывод: «Масштабные исследования дальневосточных земель продолжались и в последующие годы».

Автор пособия во введении оговорился, что не претендует на научную новизну, а предлагаемый курс представляет собой лишь «авторскую интерпретацию исторического процесса» (с. 13). Стоило ли «огород городить» ради того, чтобы показать «авторское» представление. Для этого есть другие формы.

У студентов же должно сформироваться представление о том, что обусловило стремительное движение России на восток, к Тихому океану в XVII—XVIII вв., как шел процесс включения в состав Российского государства территорий на востоке. Чьи же это земли — в Приамурье, в Приморье, на Сахалине, на Курильских островах? Кто ответит студенту-гуманитарию, студенту-естественнику, жителю Дальнего Востока, россиянину на вопросы: «Почему мы отдаем земли Китаю? Что это за проблема «северных территорий», которая стоит «во главе угла» российско-японских отношений? Почему возвращаются сейчас, в конце 90-х годов, депортированные из Приморья в середине 30-х годов корейцы, и так активно работают южнокорейские археологи с нашими учеными?»

И.Д. Саначев, идя по проторенному пути, обошел эти сложные вопросы, вообще не коснулся истории открытия и освоения Русским государством Ку-

рильских островов и Сахалина (а какой прекрасный материал по этой проблеме собрали сахалинские ученые в вышеупомянутом учебнике для студентов «История Сахалинской области», изданном в 1995 г. Очень просто автор провел границу между Россией и Цинским Китаем в Приамурье по Нерчинскому договору 1689 г.! Зачем политологам подробности, зачем детали, зачем все усложнять?! Достаточно «авторской интерпретации». Повисла граница где-то у Охотского моря, а там пусть будущие историки-профессионалы разбираются. А если бы автор пособия внимательно ознакомился со статьями Нерчинского договора, студентам стало бы понятно, почему в Приамурье и в XVIII в. не было цинской администрации.

И.Д. Саначев подчеркнул специфику разработанного им курса лекций, в котором «уклон сделан на политическую и экономическую историю региона». Однако за простым изложением фактов студенту трудно увидеть причину того или иного события. Так, не акцентировано внимание на причинах активизации дальневосточной политики России во 2-й четверти XIX в., в пособии не прослеживается связь между «восточным вопросом» и противоречиями европейских государств и России на Тихом океане. Известно, что вторым театром военных действий в Крымской войне стал Дальний Восток. Он не был насыщен крупными военными сражениями, но по политической значимости не уступал европейскому. Почему события 1854—1855 гг. на Дальнем Востоке даже не упоминаются в учебнике?! Ни слова не сказал И.Д. Саначев и о взаимоотношениях России и Японии. Нет необходимости доказывать, как важно знать сегодня любому, интересующемуся историей Дальнего Востока, не только о Симодском (1855 г.) и Петербургском (1875 г.) договорах, но также точные даты их подписания. Политологам, юристам тоже интересно знать, почему 7 февраля (дата подписания Синодского договора), начиная с 1981 г., отмечается в Японии как день северных территорий. Жаль, что актуальнейшие проблемы новой и новейшей истории Дальнего Востока остались вне внимания И.Д. Саначева.

Лекция «**Освоение** Россией дальневосточных земель в XIX — начале XX в.» охватывает период, начиная с XVII в. и фактически включает в себя материал по **заселению** региона. Автору следовало бы разобраться с терминологией, правильно формировать понятия у студентов, тем более, что в лекции используется термин «**колонизация**». И.Д. Саначев предлагает свою периодизацию заселения дальневосточных земель (с. 82), не давая обоснования хронологическим рамкам периодов. Трудно предположить, что автор не знает о периодизации переселения Н.И. Рябова, М.Т. Штейна, Н.К. Кольцовой, Ю.Н. Осипова. Непонятно, почему именно его «авторская интерпретация» периодов крестьянского переселения должна быть принята.

Небрежность И.Д. Саначева в обращении с понятийным аппаратом может поставить его в довольно сложное положение перед будущими менеджерами государственной и муниципальной службы, которые в разделе «Административное устройство» (с. 90) не найдут информации об образовании и функционировании органов государственной власти и управления в специфических условиях окраинного Дальнего Востока второй половины XIX в. Вводит автор в заблуждение студентов и собственной интерпретацией понятия «кабинетские земли» (с. 93), которые он почему-то относит к «владениям кабинета министров, тех или иных министров». Совсем непростительно это для историка такого уровня, который способен дискутировать со специалистами историками-аграрниками о соотношении «прусского» и «американского» путей развития капитализма на окраинах России, об идентичности состава российской деревни в районах с различными путями развития сельского хозяйства.

Не претендуя на «научную новизну», И.Д. Саначев все-таки не удержался и, не вдаваясь в рассуждения, не согласившись с «конъюнктурным» советским термином «кулак», с российским (современным российским) термином «фермер», предложил назвать дальневосточного крестьянина «земельным промышленником». Правда, тут же признал его неудачным и предложил взамен «зажиточного крестьянина» (с. 95). Что же нового в этом термине?! Русские экономисты еще в 80-х годах XIX в. ввели термин «кулак» и обозначили им зажиточного крестьянина, предприимчивого мужика-хозяина. Стоит ли открепиваться от этого термина применительно к дореволюционному дальневосточному крестьянству. Это уже в 20-е годы в советской деревне термин «кулак» приобрел «классовое» звучание.

Видимо, увлекшись, И.Д. Саначев продолжает дискуссию с авторами (?) мнения «об имевшем место в регионе конфликте между двумя категориями крестьян — «старожилами» и «новоселами» из-за нехватки земель» (с. 98). Он делает вывод: на Дальнем Востоке «как такового конфликта из-за нехватки земель не было и быть не могло. К началу гражданской войны крестьянин региона просто-напросто не успел еще поднять свое хозяйство, освоить до конца выделенные ему громадные земли» (с.99).

Этот «солидный» вывод еще раз убеждает нас в том, как плохо сочинитель учебника знает историографию Дальнего Востока. Уже с конца 70-х годов, после выхода в свет труда известного историка-аграрника Э.М. Шагина «Октябрьская революция в деревне восточных окраин России» суть конфликта объясняют не нехваткой земли, а качеством земли, полученной «столыпинскими» переселенцами (а именно их именуют «новоселами»). Местные власти не готовы были принять массу переселенцев-бедняков, не имели точных данных о колонизационном фонде, о качестве земель. Местные переселенческие органы пытались расселять прибывающих «новоселов» на пустующие земли старожильческих селений, на свободные, неиспользуемые земли в пределах казачьих войск. Это и послужило причиной острых земельных споров и «обратничества» (о чем пишет и сам автор на с. 88).

Поставив перед собой задачу показать экономическую историю региона, И.Д. Саначев не мог не затронуть вопрос о «порто-франко». Этому очень актуальному в наши дни вопросу была посвящена научно-практическая конференция, организованная краевой администрацией. С историей введения «порто-франко» на Дальнем Востоке неоднократно выступала исследователь Н.А. Троицкая. Однако студенты, ознакомившись с произведением нашего автора, так и не узнают, когда и где впервые на Дальнем Востоке был введен так называемый «порто-франко». Не случайно это событие не нашло отражения в хронологической таблице, шутивно названной автором «Шпаргалкой для ленивых студентов».

К сожалению, лишь красивыми словами на бумаге оказались рассуждения И.Д. Саначева о личности и предназначении историка: «Чем большее количество исторических фактов откроет историк, чем ярче его индивидуальность, тем более действенным окажется созданное им полотно исторического повествования».

Стоило ли в таком **облегченном варианте** лекционного курса вдаваться в сложные научные проблемы и пытаться сделать свою «индивидуальность ярче»?!

**А. КРУПЯНКО,
Е. ЛЫКОВА,**

кандидаты исторических наук.